

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ,

1917 г.

**Выпускаемый на основаніи Постановленія Временнаго Правительства
отъ 27 марта 1917 года.**

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безилатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залого по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ принимается съ 6 апрѣля по 1 іюня с. г. включительно:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 75% номинальной суммы.

и напрасно Мага и Фому, красноречивые смущения, своим кашлем старались заглушить голос Лары:

— Ах, сестри, ради Бога, тише: это очень, очень, очень хороший человек, эта мадам Полужкина...

При словѣ «хорошій» Лара ужь милостивѣй спрашивала:

— Значитъ, и она ждетъ близкихъ себѣ изъ Мексики... Значитъ, и она обижена тираномъ?..

— Да нѣтъ... вовсе нѣтъ...—махали на нее сестры руками.—У нихъ банкъ... и никого въ Мексикѣ... даже, наоборотъ, къ ней очень милостива великая княгиня...

И опять лицо Лары каменѣло...

— Скажите этой вашей... какъ ее... Лушкиной... что я не могу оставить своихъ больныхъ котятъ...

И сестры уходили.

Лара смотрѣла на нихъ съ безгласнымъ подергиваніемъ губъ, отказываясь отъ конфетъ, которыми ее угощали (результатъ визита мадам Полужкиной), а когда Мага и Фома обсуждали придворныя сплетни (тоже результатъ визита), Лара тихо шептала:

— Все повторяется... все идетъ на смѣну одно другому... надо ждать...

А когда начались февральскіе беспорядки, Лара сказала сестрамъ:

— Я пойду къ гадянкѣ... погадаю, скоро-ли вернется мой Клодинѣ...

И напрасно сестры умоляли ее не выходить на улицу. Лара не замѣчала слезъ, прятала въ конецъ шерстяного шарфа розу (на великій случай) и скоро-скоро топала къ Литейному...

Мерзли руки, ноги, спина... Идѣвѣли рѣсницы, остро,—такъ лишь у «тропическихъ людей» бываетъ, — шныряли глаза, и тонкія сипія губы улыбались:

— А вы знаете, —радостно и взволнованно дергала она прохожихъ за рукавъ:—они бѣгутъ... мексиканцы бѣгутъ, чтобъ отомстить тирану... ужь близко Клодинѣ... ну, конечно, онѣ мнѣ вѣрны... вы улыбаетесь, не вѣрите?... А это что?—и съ улыбкой показывала красную розу: — Припасайте и вы розы... скоро никого сада не хватить, такъ будетъ ихъ много... этихъ мстителей-мексиканцевъ, — сипло кричала Лара, перебѣгая отъ одной кучки къ другой...

А дома пожирала плечами:

— Что вы плачете?

— Да вѣдь это же бунтъ... говорятъ, это революція... —растерянно и сморкаясь, лепетала Мага съ Фомой,—вѣдь мы же лишаемся власти... отъ насъ отберутъ все...

Лара терла лобъ... Эти годы... сколько ихъ прошло отъ Седана? 47 лѣтъ... Ну, конечно, она позабыла кое-что изъ тѣхъ словъ, что ораторы вбивали на площадяхъ Парижа въ гробовую крышку монархія...

...Искры жевъ, скоро-скоро моргаютъ рѣсницы...

Какъ живые встаютъ Гриви, Гамбетта, Рошфоръ, Жюль-Фавръ...

Это, кажется, Гриви сказалъ:

— Во Франціи сейчасъ все у власти, ибо власть,—это Франція! Мы ничего не теряемъ, ибо наша потеря—король—есть уже громадное приобритеніе...

Лара тихонько смѣется... Вотъ это она сейчасъ скажетъ сестрамъ... Конечно, имъ не понять того, что нѣтъ крови дво-

по ничего. Все же она **ОДѢНЕТЪ ЗАВТРА** бѣлое. Вѣдь «завтра» вовсе какъ въ депричастіи. Въ душѣ крѣпкая и нерушимая увѣренность, что завтра, именно завтра она увидитъ Клодинѣ.

Вотъ только нехорошо, что такъ бѣлить затылокъ. А тутъ еще раздражаютъ эти «дѣвочки»: такъ мысленно называетъ она Магу и Фому. Ну, чего пакать? И вотъ тоже,—не зажигать огня—это ужь совсѣмъ глупо! Глушій, тѣмъ прятать дожину старинныхъ серебряныхъ ложечекъ въ печку. Кому онѣ нужны эти ложки, хотя бы и коронованныя? Фома мечется изъ комнаты въ комнату не можетъ найти надежное мѣсто для своей любимой фарфоровой чашки съ вѣнчикомъ изъ голубыхъ розъ и золотыми полинявшими херувимами.

Лара сосредоточенно подрѣзаетъ стебель розы: вѣдь завтра магазины открыты не будутъ. Хотя и не праздникъ, но вѣдь она не вовсе ужь глупа и понимаетъ, чего надо ждать «завтра».

Въ жизни все повторяется, и, если не обращать вниманія на трамвай и другія мелочи, въ 70-мъ году «это» начиналось также...

А вечеромъ неизвѣстно зачѣмъ приходилъ дворникъ, долго шушукался на кухнѣ съ прислугой.

Сестры насторожились. Каждая по разному. Лара слегка приподняла голову: а вдругъ это мексиканцы уже прибыли... и Клодинѣ уже на улицахъ...

Мага и Фома, зажмурившись, шепчутъ:

— Неужели-же еще живы эти ужасные... декабристы?..

— Значитъ, живы, если... О, Боже, Боже...

А потомъ вдругъ изъ кухни потянулось:

— Революція...

Кто-то со двора занесъ, подобривъ это слово, и оно колющимъ ежомъ прокатилось по всѣмъ комнатамъ... Мало того, черезъ всю душу, умъ, сердце.

И ужь не стало покоя... Было страшно подойти къ окнамъ, хотя тѣ и выходили на дворъ. И почему-то чудилось:

— Это ихъ, именно, сестеръ Арнаутовыхъ-Мещерскихъ, намѣтила себѣ въ жертву революція...

— Можетъ, вынести, а?—робко шепнула Мага, указывая на портретъ Александра II съ собственноручнымъ автографомъ.

— Но куда? Ахъ, мало того, что всѣхъ ихъ забыли, этихъ сестеръ, но еще устроили имъ ловушку... Потому что другимъ именемъ нельзя назвать этотъ флигель съ окнами на поль-арщина отъ земли...

А тутъ еще Лара... Нѣтъ, это надо послушать, что она говорить! Волосы на головѣ дыбомъ становятся...

И не спали всю ночь... А къ утру Фома и Мага одѣлись попроче: на случай, если придутъ якобинцы... Кажется, такъ называются эти люди, для которыхъ нѣтъ «ничего святого»?

А Лара въ бѣломъ... И въ волосахъ красная лента... Она увѣряетъ, что такъ

„...Лара повисла на груди солдата...“

рянской и мужицкой, а есть свободная и рабская...

— Но какъ же такъ? Какъ же такъ?—бормочутъ тѣ,—было цѣлыми вѣками одно, и вдругъ другое... да развѣ это мыслимо?.. Наконецъ, наша церковь...

Долго и нудно бормочутъ что-то несуразное. Ларѣ сейчасъ не до нихъ. Склонилась надъ сундукомъ. Боже, какъ пожелтѣло бѣлое платье. Трискать головой. И полосы вонъ какія пошли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ складки. Улыбается: эти люди лгутъ, будто душа похожа на платье... и также съ годами пылитса, желтѣетъ и тѣлѣтъ...

Помощник начальника петроградского военного округа поручик А. И. Козминь.

По фотографии для «Огонька».

Новый помощник начальника петроградского военного округа поручик А. И. Козминь по образованию инженер. Он окончил некий политехнический институт и служил на Петроградско-Вологодской железной дороге. После отбывания воинской повинности в гвардии Егерском полку был вынужден проработать запасом и в японскую войну был призван по мобилизации и служил во 2-м железнодорожном батальоне. В 1906 году руководил восстанием в Красноярск, по подавлении восстания эмигрировал во Францию, где окончил высшую электротехническую школу в Париже. Затем некоторое время работал простым рабочим на одном из французских заводов и впоследствии служил инженером по технической части в фирме «Континентал». В 1912 году приехал в Россию и был арестован и судим якутским военным судом. Был приговорен к смертной казни, но вследствие манифеста приговора этот был заменен четырьмя годами каторжных работ, которые поруч. Козминь и отбыл в ярославской каторге. Амнистия застала А. И. Козминя в Иркутск на пути к семье в Якутскую область. Поручику Козмину сейчас 38 лет. При вступлении в исполнение своих обязанностей, обращаясь к чинам штаба с речью, поручик Козминь сказал, между прочим, следующее: — ... Я в малом чине, и у меня нет боевых заслуг, но я вешу незапятнанное имя, и я глубоко уверен, что мы друг друга поймем и, памятуя о счастье родины, честно и добросовестно исполним возложенную на нас работу.

были отбиты парижанки в 1871 году...

Богъ съ ней!

Сухо трещали каблуки на каменных плитахъ тротуара. Сергеевская тиха, точно у всехъ живущихъ поотнимались ноги и языки...

Лара бѣжить туда, откуда доносятся вѣсный и тревожный гулъ голосовъ и дышится окружный... Она ужъ знаетъ:

— Приѣхали, мексиканцы приѣхали... Совсѣмъ напрасно она спала эту ночь дома...

Вотъ и баррикада: поперекъ Литейнаго ашики, разбитый грузовикъ...

Конечно, это — не Парижъ... Лара третъ лобъ... Ну, развѣ это не мексиканцы? Развѣ не эти горячіе глаза, хмуро сдвинутыя брови и скулы, плотно обтянутыя тонкой, чуткою закопченной кожей, — вѣкогда провожалъ Парижъ и проклиналъ тирана.

Вѣдь если обмапнетъ глаза, то не обмапнетъ сердце... А оно билось тогда точь-въ-точь, какъ сейчасъ...

Вокругъ Лары, какъ и бывало, толпа... Вѣсъ забавляетъ блѣный шелкъ платья,

рыжая, плѣшивая тальма и красная лента въ волосахъ...

Какіе-то люди въ драповыхъ пальто бѣгутъ мимо... Они озабочены... Мелькомъ, не останавливаясь, бросаютъ взглядъ на Лару... и улыбаются... А потомъ ужъ раздаются ихъ приказанія:

— Кого-то къ Айвазу, кого-то въ Думу...

Лара хитро подмигиваетъ:

— Это первые от-важные мореплаватели... Знаете, какъ Колумбъ или Васко де-Гама... А ужъ за ними и мексиканцы...

Въ толпѣ смѣхъ, — сумасшедшая (въ этомъ никто не сомнѣвается) барыня, все-жъ и въ которое развлеченье... Нѣтъ, вы только послушайте, что она говорить... Она помнитъ рѣчи Гамбетты и Рошфора... Кто-то роняетъ: она политическая... — Лара смотритъ куда-то вдаль: туда, гдѣ въ сухой трескотнѣ малчишь щелочка Нев-

И сразу въ глазахъ окружающихъ жадность:

НАШИ ДЕПУТАТЫ ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

По фотографии корреспондента «Огонька» съ театра войны.

Членъ Гос. Думы о. Филоненко произноситъ рѣчь съ трибуны и провозглашаетъ ура въ честь ген. Брусилова.

У братекой могилы на Марсовомъ полѣ.

По фотографии для «Огонька».

Порабощенная героическая Бельгія—борцамъ за русскую свободу.

11-го мая находящіеся въ столицѣ члены бельгійской социалистической делегаціи во главѣ съ председателемъ интернаціонального бюро, бельгійскимъ министромъ-соціалистомъ Вандерверделде, чествовали пламя павшихъ борцовъ за свободу. Грандіозный кортежъ, въ которомъ приняли участие не только члены бельгійской миссіи, но и вся петроградская бельгійская колонія, направился подъ звуки двухъ оркестровъ, съ флагами и планатами къ Марсову полю. Бельгійскій министръ Вандерверделде, возложивъ на могилы вѣнокъ, обратился къ присут-

ствовавшимъ съ рѣчью, въ которой упомянулъ о великомъ героизмѣ русскаго народа. «Я глубоко убежденъ», — сказалъ министръ, — что освободившаяся отъ гнета великая нація пойметъ и чувства героической Бельгіи, еще не успѣвшей сбросить съ себя оковы германскаго порабощенія. Бельгіи безогонно любить свою родину и свободу. Эта любовь и не позволила бельгійцамъ предать родину своими руками въ чужое рабство». Собравшаяся у могилъ въ большомъ количествѣ публича приветствовала представителей героической Бельгіи.

Всероссийскій офицерскій съездъ въ Петроградѣ.

По фотографіямъ для «Огонька».

Засѣданіе Офицерскихъ Депутатовъ во время посѣщенія съезда военнымъ и морскимъ министромъ А. Ф. Керенскимъ.

8-го мая въ залѣ Арміи и Флота открылся первый всероссійскій съездъ офицерскихъ депутатовъ, созванный по инициативѣ исполнительнаго комитета Петроградскаго Совѣта Офицерскихъ Депутатовъ. На съездъ приглашены делегаты отъ всѣхъ фронтовъ, армій и округовъ. Первое засѣданіе носило торжественный характеръ. На немъ делегатовъ приветствовали отъ имени Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, отъ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ, отъ Временнаго Комитета Государственной Думы, отъ союзныхъ армій и отъ черноморскаго флота. Отъ имени «Правительства и революціоннаго народа» въ прокуратурной рѣчи, которая была выслушана стоя, съездъ приветствовалъ военный и морской министръ А. Ф. Керенскій, который былъ избранъ единогласно почетнымъ председателемъ съезда.

Въ засѣданіи отъ 17-го мая большинствомъ 210

голосовъ противъ 69 была принята слѣдующая резолюція о войнѣ:

«Всероссійскій съездъ Офицерскихъ Депутатовъ арміи и флота, приветствуя стремленія правительства къ прочному миру и братству народовъ, признаетъ: 1) Въ данное время всякое промедленіе къ воссозданію боеспособности арміи и флота влечетъ гибель свободной Россіи, ибо, давъ возможность Германіи разбить нашихъ вѣрныхъ союзниковъ по частямъ, послѣ чего намъ, русскимъ, будетъ неминуемо навязанъ унижительный миръ, разрушающій завоеванную свободу и повергающій свободныхъ гражданъ Россіи въ прежнее рабство. 2) Время словъ прошло. Нужно дѣйствіе, чтобы принудить правительство Германіи, всегда стремившейся къ порабощенію народовъ, принять волю свободнаго русскаго народа, не стремящагося къ аннексіямъ и кон-

трибуціямъ, но признающаго право самоопредѣленія каждаго народа и признающаго справедливымъ возмещеніе убытковъ разоренныхъ странамъ. 3) Нынѣ на фронтѣ необходимо немедленное и рѣшительное наступленіе, въ которомъ — жизни и залогъ победы. Братаніе и оборона безъ наступленія есть безмысленный сепаратный миръ, ведущій къ гибели и позору свободную Россію. 4) Весь русскій народъ долженъ слиться въ единомъ мощномъ порывѣ и принудить правительство Германіи и ея союзниковъ принять волю Россіи и ея союзниковъ. — Къ гордости свободнаго народа вынуждены мы».

14-го мая съездъ, въ полномъ составѣ, отправился на «Площадь Свободы» — къ Марсову полю, для отдаванія долга жертвамъ революціи.

Члены Всероссийскаго съезда Офицерскихъ Депутатовъ арміи и флота у братской могилы жертвъ Революціи.

Всероссийская Советъ Крестьянских Депутатовъ въ Петроградѣ.

Фотографія по порученію «Огонька» Я. Штейнберга.

У стола президіума снятъ: председатель съезда сол.-рев. Н. Д. Авсентьевъ (1), членъ Гос. Думы трудовикъ В. И. Дзюбинскій (2) председатель военно-экономическаго общества и организаторъ крестьянскихъ съездовъ В. Н. Чайковскій (3) и членъ организационнаго комитета съезда сол.-рев. И. И. Бунаковъ (4).

Всероссийскій Советъ Крестьянскихъ Депутатовъ продолжаетъ посылать все больше и новыми делегатами, съезжавшимися со всѣхъ концовъ Россіи. 5 мая, въ день открытія съезда, едина насчитывалось 600 членовъ; къ 15-му мая число членовъ съезда уже доходитъ до 1500.

За два дня работы съездъ успѣлъ ознакомиться съ истиннымъ положеніемъ страны какъ въ тылу, такъ и на фронтѣ. И за это время политическая физіономія Советъ постепенно опредѣляется. Съездъ успѣлъ высказаться по вопросамъ военнымъ вопросамъ момента.—Подъ влияніемъ большаго числа голосовъ противъ 16 голосовъ большевиковъ и меньшевиковъ, съездъ принялъ резолюцію о поддержаніи и полномъ масть резолюцію о поддержаніи и полномъ

добрыя коалиціонному Временному Правительствоу. По агучему большинству волею о войнѣ принимается, при бурныхъ аншлюсментяхъ свыше 1000 голосовъ. Въ этой же резолюціи Всероссийскій Советъ Крестьянскихъ Депутатовъ отвергаетъ резолюціи, съ негодованиемъ отвергающая всенуку мысль о сепаратномъ мирѣ, съ талою основаніемъ долгомъ трудовому народу революціонной Россіи вести самую

активную защиту страны, не оставившись свободной дисциплинѣ, защищать революціонную Россію и помнитъ, что въ этой героической борьбѣ съ ними будетъ все трудовое крестьянство, что оно благословляетъ ихъ на эту борьбу и никогда не забудетъ ихъ пролитой за великое дѣло крови.

Противъ этой резолюціи высказалось 12 большевиковъ при 15 воздержавшихся.

Изъ дѣйствующей арміи.

По фотографіи для «Огонька».

Обстрѣлъ австрійскаго аэроплана со станновъ русскаго изобрѣтенія.

На Кавказскомъ фронтѣ.

Рисунокъ съ натуры для «Огонька» худ. П. ЖИЛИНА.

Лихой набѣгъ кубанскихъ казаковъ на караванъ дикихъ курдовъ. Казаки отбиваютъ скотъ, захваченный курдами у мирныхъ жителей.

скаго... Оттуда идти... Ахъ, это не отъ мороза и не отъ голода подкашиваются ноги... Развѣ не дѣлую жизнь ждала Лара своего Клодина?..

Кто-то рядомъ кричитъ:
— Это русскій народъ... Возставшій изъ тьмы и рабства... Долой тиранию... Да здравствуютъ солдаты...

— Мексиканцы... мексиканцы... — въ безумномъ экстазѣ вторитъ оратору Лара и машетъ рукой...

Кругомъ перешептываются:
— Это она ихъ зоветъ мексиканцами...

Кто-то резонно замѣчаетъ:
— Что-же, въ этомъ есть смыслъ... Развѣ не та же Мексика наша родина... Невѣдомая, жуткая, придушенная рукой тирана.

А солдаты все ближе, ближе... Слышно, какъ звякаютъ горящіе на солнцѣ штаны...

Лара вскарабкалась на кузовъ трехколеснаго грузовика... Отсюда ей легче разглядѣть Клодина...

Ахъ, эта боль въ затылкѣ... А крики толпы, будто вѣтеръ, качаютъ Лару... А вотъ и Клодинъ... Она очень ясно его разглядѣла... Во второмъ ряду, несетъ красное знамя...

— Господи, если Твоей милости хватало заставить биться сердце 68 лѣтъ, — сдѣлай чудо, — дай ему еще немного силы, — сѣдому, безкровному и морщинистому...

Взглянула на небо, — солнце красное-красное, и до него добрался морозъ...

И вдругъ для Лары все смѣшалось, спуталось... Съ хриплымъ, короткимъ крикомъ (такъ бьетъ стекло) метнулась съ грузовика, въ воздухѣ мелькнула рука съ красной розой...

— Клодинъ... жизнь моя... радость!..

Повисла на груди солдата... И ужъ больше ничего не видѣла, не слышала... Еще лѣвая рука невѣдомо какой силой держалась за его правое суконное плечо, а правая повисла, точно пришитая... Разъ-дру-

На ездѣ фронтовыхъ делегатовъ въ Петроградѣ.

По фотографіи для «Огонька».

Донладъ помощника военнаго министра полковника генеральнаго штаба Якубовича.

12-го мая въ залѣ общихъ собраній Таврическаго дворца открылись совѣщанія представителей дѣйствующей арміи, прибывшихъ въ Петроградъ. Въ первый же вечеръ на совѣщаніе делегатовъ приглашены ученики и помощники Ленина г. Зиновьева. На прямо поставленные ему два вопроса: что дѣлать арміи сейчасъ на фронтѣ и допустимо-ли въ настоящее тревожное время разжиганіе классовыхъ страстей Зиновьевъ, стараясь обходить вопросы, литературно философствуетъ. Совѣщанію приходится констатировать, что прямого отвѣта на эти два жгучіе вопроса Ленинымъ данъ не въ состояніи.

15-го мая ездѣ давалъ объясненія помощникъ военнаго министра полковникъ Якубовичъ, которому былъ поставленъ рядъ вопросовъ. Касаясь вопроса о наступленіи, полк. Якубовичъ сказалъ: «Судьбы Россіи и закрѣпленіе недавно добытыхъ народомъ

свободы тѣсно связаны съ наступленіемъ. Въ настоящее время на всемъ русскомъ фронтѣ полное замиреніе. Пользуясь этимъ, противникъ пересбаркавалъ теперь всѣ свои силы на фронтъ нашихъ союзниковъ — французовъ и англичанъ. Перебралъ эта въ деталяхъ извѣстна военному министерству съ точностью до одной дивизіи. Наши союзники исполняютъ истекшая кровью, и молятъ насъ о помощи, которую мы можемъ оказать лишь мощнымъ наступленіемъ, ударомъ на нашъ фронтъ. Для военнаго министерства ясно, что единственнымъ выходомъ изъ положенія можетъ быть только наступленіе. Для наступленія у насъ все готово, кромѣ духа. Въ боевомъ снаряженіи недостатка въ арміи нѣтъ: запасъ снарядовъ такъ великъ, что ихъ сейчасъ можетъ хватить на полгода самой напряженной стрѣльбы».

гой качнулось тѣло и медленно скользнуло къ ногамъ голубоглазого, растеряшагося пѣхотинца...

И стало такъ тихо, точно всѣ растеряли слова... Ужъ потомъ какая-то дѣвушка,

ка, утирая слезы, подобрала цѣточку, оторвала отъ платка кружево, и роза каплею алой крови повисла на штыкѣ голубоглазого Клодина изъ Мексика...

М. Сазоновъ.

На фронтовомъ ездѣ есетеръ милосердія въ Минскѣ.

По фотографіи корреспондента «Огонька».

Среди президіума—главнокомандующій западнымъ фронтомъ генераль Гурко (X).

ЖЕНЩИНА ВЪ МАСКѢ

Рассказъ Ян. Окунева.

I.

Въ началѣ января Николай Матвѣевичъ прѣхалъ въ Петроградъ, въ которомъ любилъ бывать глубокой зимою, когда столица была отъ свѣжнаго чуха и иглистаго инея, а ночью въ мгlistой изморози выплывають опаловые гроздья электрическихъ огней, и поеть Невскій колокольчиками сврипучихъ саней.

Ему нравилась зимній Петроградъ, его осеребренные до половины дыханіемъ мороза витрины; волнующая прелесть случайныхъ ночныхъ встрѣчъ на улицѣ съ женщинами, закутанными въ мѣха и перья,

По вечерамъ Николай Матвѣевичъ ѣздилъ иногда на оперу. Тамъ онъ не столько слушалъ, сколько съ голоднымъ любопытствомъ оглядывалъ партеръ и нависшія подковы ярусомъ.

Театръ шуршалъ шелками; съ сочнымъ чмоканьемъ отрывались и хлопали гдѣ-то двери; разсыпчато звенѣли шпоры; звучно пощаскивали новые сапоги капельшперовъ. Партеръ золотился полосками поговоровъ, горѣлъ переливами бриллиантовъ, дышалъ ароматомъ духовъ.

Все это было занимательно и свѣжо, и, когда гасли огни, Николай Матвѣевичъ усаживался глубже въ упругое сидѣнье и, закрывъ глаза, слушалъ увертюру и въ то же время ловилъ вздохи притаившагося за его спиною яркаго партера.

Въ Петроградѣ у Николая Матвѣевича

было потолковать съ лѣсопромышленникомъ Васильевымъ о дѣлячкахъ.

Здѣсь было много свѣта, шума, людей, и тамъ, когда надвигалась ночь, на дворѣ была колотушка, уныло пѣлъ въ лозьяхъ вѣтеръ и стучалъ вьюшкою въ трубы; холодна и жестка была постель, и упорно думалось о томъ, что сорокъ семь лѣтъ, это—уже старость, что болить печень, которой не помогаютъ воды, и что ни одной душѣ на свѣтѣ не будетъ жаль, когда онъ умретъ въ своей берлогѣ.

Онъ чувствовалъ, что проводить въ Петроградѣ послѣднюю зиму, и старался какъ можно веселѣе провести эти двѣ недѣли; но выходило безтолково: онъ безъ счета тратилъ деньги, толкался всюду, игралъ на бѣгахъ и въ клубѣ, ѣздилъ къ пыганамъ и за городъ въ какіе-то подозрительные дома,

Изъ дѣйствующей арміи.

Рисунокъ для журнала «Огонекъ» участника войны шт.-кап. П. ЩЕГЛОВА.

Артиллерія въ дѣйстви.

ахъ спрашивающіе взгляды и улыбки; игра огней кинематографовъ; четкость кружевныхъ перилъ на мостахъ и молочная гладь омертвѣвшей на зиму Невы.

Было приятно посидѣть въ кафе за мраморнымъ столикомъ съ тонвоногимъ бокаломъ золотистаго оранжада, среди толкотни и шума, звона ложечекъ, шарканья ногъ по плитчатому полу, ореди всплесковъ смѣха и говора.

Входили люди съ посѣдѣвшими у подбородка отворотами шубъ, съ бѣлыми усами и бровями, пахнущіе свѣжимъ морозомъ; садились за столы и стучали по звонкому мрамору согнутымъ пальцемъ съ помутившимъ отъ тепла кольцомъ. Къ нимъ бросались лавины съ разлетающимися, какъ шарики, фалдами и круглыми, ловкимъ движеніемъ подавали кофе съ пористой воздушной горкой сливокъ.

не было никого. Жила здѣсь когда-то его жена, съ которой онъ разошелся пятнадцать лѣтъ тому назадъ, послѣ трехъ недѣль совместной жизни, но она давно уѣхала куда-то на югъ, и больше онъ не слыхалъ о ней. Онъ не любилъ вспоминать о своей бывшей женѣ и за послѣдніе нѣсколько лѣтъ совсѣмъ забылъ ее, и даже черты ея лица изгладились изъ его памяти.

Оставалось двѣ недѣли до отъѣзда Николая Матвѣевича въ усадьбу. Ѣхать домой ему не хотѣлось. Въ холодной пустотѣ комнатъ съ замерзшими окнами было уютно. Скученъ былъ сквозистый бѣлый лѣсъ съ подушками свѣта у иней, скудна была дорога съ сиротливыми лозинками и занесеннымъ сугробами кустарникомъ.

Но дома были дѣла: надо было сводить счеты съ приказчикомъ, отъ котораго пахло селедкой, табакомъ и салогамъ; еще надо

затерявшіеся въ пустыряхъ и канавахъ, и возвращался къ себѣ въ номеръ подъ утро съ тупой головою, съ мѣдной горечью во рту, съ приступами нудной тошноты.

II.

За два дня до отъѣзда Николай Матвѣевичъ попалъ на маскарадъ. Произошло это случайно, какъ и все въ эти пьяные дни: увидалъ размалеванную афишу въ окнѣ магазина; фожи разсмѣшили его, и онъ купилъ билетъ.

Вошелъ онъ въ залъ, унизанный золотыми электрическими яблочками, и сразу зарыбило въ глазахъ отъ ярко-желтыхъ, сочно-красныхъ и голубыхъ шелковъ, отъ падающихъ цвѣтныхъ мушекъ конфетти, отъ змѣй серпантинна. Была впереди сизая мусть, точно тонкая кисея натянута, а за нею сидѣли въ красно-желто-голубую мѣ-

Изъ дѣяющейся арміи.

По фотографіи корреспондента «Огонька» съ театра войны.

Обученіе солдатъ грамотѣ.

Обычныя занятія кончились. Время свободное. Прапорщикъ, собравъ вокругъ себя солдатъ, обучаетъ ихъ грамотѣ.

шанину люди, завертѣвшіеся въ проказливомъ танцѣ.

Изъ-за веселаго шума не было слышно музыки, только бухалъ барабанъ, да звякали тарелки. Но музыка чувствовалась въ мѣрномъ шопотѣ и шарканьѣ ногъ, музыка пьяная и своенравная. И отъ нея было весело и нисколько не было стыдно кружиться въ безстыдномъ танцѣ, и отъ нея пошла путаница и смѣхъ и жаркіе огоньки во всѣхъ глазахъ.

И сразу оглушенный и одурманенный, Николай Матвѣвичъ, смѣясь, подошелъ къ кіоску, въ которомъ продавала шампанское маркиза съ напудренными волосами и мушками; протянулъ, даже не посмотрѣвъ на бумажку, сто рублей, и, взявъ бокалъ со всплывающими вверхъ золотыми искорками, жадно выпилъ его.

Въ то время, когда онъ пилъ, кто-то неожиданно вскрикнулъ подлѣ него. Крикъ былъ короткій и звонкій, и вскрикнула женщина, должно быть, та, небольшого роста, въ маскѣ съ красной кружевной сборкой.

Изъ-за янтарнаго наклоненнаго кружочка вина съ пѣнистыми краями, заслоняшаго, пока онъ пилъ, его глаза, Николай Матвѣвичъ смутно увидалъ, какъ выбросилось впередъ, къ нему, ея тѣло, и какъ потомъ оно откинулось назадъ. Отъ ея голоса, такого знакомаго, но и совсѣмъ чужого, тревожно стукнуло его сердце. Онъ отставилъ бокалъ и шагнулъ къ ней.

А женщина уже оправилась. Уже глядѣли на него въ упоръ черезъ прорѣзы въ маскѣ синіе глаза, холодные и злые. Въ ея зрачкахъ онъ видѣлъ свое отраженіе—маленькаго прыгающаго мальчика. И уже смѣялся теперь ея взглядъ. Бѣлый выступъ подбородка, видѣвшійся изъ-подъ краснаго кружева, тоже дрожалъ отъ беззвучнаго смѣха, должно быть, а на бархаткѣ, на шеѣ, смѣялась слезинка бриллианта.

Николай Матвѣвичъ отвѣтно улыбнулся женщинѣ, но она повернулась къ нему спиной и скрылась въ яркой цѣпи людей. Сверкнулъ бѣлый прямоугольникъ ошейника въ вырѣзѣ кофточка и пропалъ.

Онъ зналъ эти глаза съ холоднымъ сияньемъ блестящихъ, и звонкомъ былъ ея плечо,

а все-таки онъ не могъ вспомнить, гдѣ и когда встрѣчался съ нею, и встрѣтилъ-ли онъ ее однажды, или видѣлъ ее часто и подолгу.

Еще стучало сердце отъ ея вскрика, и память настойчиво искала отвѣта, но Николай Матвѣвичъ уже вздернулъ свои острые плечи и прошипѣлъ:

— Чуть!

Разумѣется, чуть. Мало-ли онъ встрѣчалъ женщинъ, и у одной-ли этой знакомые глаза и голосъ?

Онъ опять повернулся было къ напудренной маркизѣ, но вдругъ перерѣзала и

пошелъ невѣрнымъ шагомъ на середину зала, прорывая цѣпь танцующихъ. Кто-то толкнулъ, кому-то бросилъ: «вилывать», впутался въ мѣшанину и, засыпанный дождемъ цвѣтныхъ мухъ, противъ воли затанцовалъ со всѣми, все время втора:

— Чуть, чуть!

Вдругъ у самаго его уха кто-то треснуло хлопнушкой. Онъ испуганно дернулся и вскрикнулъ:

— Что за шутки, милостивый государь!

Но вмѣсто милостиваго государя, стояла передъ нимъ маска съ краснымъ кружевомъ, та, которую онъ искалъ. Опять у нея дрожали бѣлый подбородокъ и слезинка на черной бархаткѣ.

— Я тебя знаю!—сказалъ поразительно знакомый голосъ.

Она взяла Николая Матвѣвича за руку и вывела его изъ тѣсноты. Теперь они стояли въ углу зала. Онъ видѣлъ женщину такъ близко, что чувствовалъ ея дыханіе. Онъ зналъ ее, но не узнавалъ, какъ ни старался вспомнить, кто она.

— Погодите, я вспомню!—растерянно сказалъ онъ.—Я знаю васъ. Сейчасъ вспомню... Нѣтъ, не могу!

Въ прорѣзы маски глядѣли печальные и тусклые глаза. Постепенно они теряли блескъ, пустѣли, мертвѣли, точно дѣлались незрячими.

— Такъ!—съ сухой короткостью произнесла она и качнула головою.

Лицо Николая Матвѣвича пострѣло, будто покрылось пылью. Онъ вспомнилъ.

— Ты? Вы? Жена? Вѣдь это ты!

Мертвые глаза ожили, испугались, забѣжали отъ его взгляда и, разсмѣявшись, снова погасли. И уже незнакомый, новый голосъ, надтреснутый и утомленный, совсѣмъ не тотъ, который былъ у его жены, протворилъ:

— Ничего подобнаго. Хотя...

Маска оборвала и отодвинулась отъ Николая Матвѣвича. Потанула кружево, за-

ТОРЖЕСТВЕННЫЯ ПОХОРОНЫ НАЙДЕННЫХЪ ОСТАНКОВЪ ГЕРОЯ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1905 Г. ЛЕЙТЕНАНТА П. ШМИДА ВЪ ОДЕССѢ.

По фотографіямъ одесскаго корреспондента «Огонька» г. Редера.

На борту крейсера «Принцесса Марія».

Гробы, украшенные вѣнками, съ останками лейтенанта П. Шмидта и его сподвижниковъ. Кругомъ стоятъ командированные изъ Севастополя для сопровожденія гроба делегаты—матросы. Въ медальонѣ—сынъ лейтенанта Шмидта, Евгений Петровичъ Шмидтъ.

крывая подбородок и, вздохнув, закончила:

— Мне все равно!.. Я устала.

Ну, конечно, это не жена. Какое такое предположение, что она может быть тут, да еще в маске и одна!

Он повеселел даже от того, что это другая. Игривая мысль пришла ему в голову:

«А вѣдь маска-то, кажется, недурна, а? Попробуем!»

И, поправив опустившийся усъ, подставил маскѣ свою руку:

— Пройдемъ къ буфету. Душно!

А въ буфетѣ, когда она, отвернувшись отъ него, пила шампанское, онъ увидѣлъ пухлыя алыя губы, ровный рядъ бѣлыхъ зубовъ, прикусившихъ край бокала, и рѣшилъ:

пытна, волновала и дразнила, вносила своей необычайностью новое и свое въ банальный случай.

Она согласилась покататься на саняхъ, и когда сѣли, легко дала себя обнять и не сопротивлялась, когда онъ цѣловалъ ея тонкіе пальцы, только вздрагивала и часто дышала.

Бѣжали они сначала по набережной. Холодная дува, перерѣзанная пополамъ свѣтлымъ и легкимъ облакомъ, низко стояла надъ бѣлой Невой. Недвижные темнѣли, какъ монументы, городовые на углахъ. Набережная была пустыня, и гулко звенѣлъ ладный топотъ лошадей по свѣжому насту. Въ лицо летѣли холодныя итлы ледяной пыли и застревали въ усахъ и во влажномъ отъ дыханія мѣху воротника. Дале-

Она съ испугомъ отодвинулась отъ него и возразила:

— Ни въ какомъ случаѣ!

Недоумѣвая и досадуя, Николай Матвѣвичъ упрямо настаивалъ:

— Почему же? Что за маскарадъ на улицѣ! Вѣдь это—нелѣпость!

— Ну, и пусть нелѣпо!—сказала она.— Все на свѣтѣ нелѣпо. Развѣ то, что я сейчасъ съ вами, и вы цѣлуете мои руки,— развѣ это имѣетъ какой-нибудь смыслъ?

Онъ насторожился: Что значить этотъ намекъ? Кто она? нѣтъ, не можетъ быть: у нея совсѣмъ другой голосъ, такой усталый и такой ломающийся.

Николай Матвѣвичъ попытался сорвать маску силою. Женщина отвела его руки и твердо сказала:

Манифестация инвалидов и служащихъ городекой центральной продовольственной управы передъ Гос. Думой.

По фотографіи для «Огонька».

14-го мая въ Петроградѣ состоялась манифестация бѣжавшихъ изъ плѣна инвалидовъ и родныхъ военнопленныхъ. Манифестация прошла по Невскому и Литейному проспектамъ до здания Государственной Думы, устраивая по пути рядъ митинговъ. Съ плакатами: «Народу—земля и воля», «Плѣннымъ—хлѣба», «Только побѣда дастъ нашимъ плѣннымъ свободу и жизнь», «Свободный народъ, ты долженъ искоренить два миллиона братьевъ, враговъ врага твоего» манифестация подошла къ Таврическому дворцу и прошла въ полуциркульный залъ, гдѣ образо-

вался большой митингъ. Ораторы выступали съ упреками Правительству и особенно Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, что они до сихъ поръ не позаботились объ облегченіи участи нашихъ военнопленныхъ. О горькой участи послѣднихъ только-что напомнилъ русскому народу вернувшійся недавно изъ германскаго плѣна врачъ-социалистъ Смирновъ. Въ правдивой, безъ всякихъ прикрасъ рѣчи онъ нарисовалъ на сѣздѣ Крестьянскихъ Депутатовъ жуткую картину томленія и муки сыновъ русскаго народа, имѣвшихъ несчастье попасть во вра-

жескія руки: «...Нашихъ солдатъ,— говорилъ докторъ Смирновъ,— бьютъ палками, штыками, прикладами, подвѣшиваютъ къ дереву, распинаютъ на крестахъ... Я хотѣлъ видѣть въ нѣмецкихъ социалистахъ товарищей, будущи самъ социалистомъ, но я скажу вамъ, что вы ошиблись. Я говорю вамъ: не вѣрьте. Тамъ нѣтъ братства... Изъ двухъ миллионовъ русскихъ солдатъ погнѣмлено уже порохомъ въ «саду пытокъ», какому является для нашихъ плѣнныхъ «культурная» Германия.

«Совсѣмъ недурна!»

А рѣшивъ, нащупавъ во внутреннемъ карманѣ пачку хрустящихъ бумажекъ и весело шелкнувъ пальцами.

III.

Безпутно проведенъ былъ въ Петроградѣ мѣсяцъ, а теперь предстояло пошлое заключеніе. Однако Николай Матвѣвичъ ничего противъ этого не имѣлъ. Онъ зналъ твердо, что это—его послѣдняя зима, и что онъ сюда больше не придетъ. Кроме того, женщина въ маскѣ ужъ очень была любо-

кимъ казался горсть, полыхавшій изъ-за треугольниковъ крышъ густой ярью; смутно слышался, точно отдаленный приборъ, шумъ и гомонъ, звонки и ревъ гудковъ съ Невскаго проспекта.

Еще сильнѣе, чѣмъ въ первую минуту, Николай Матвѣвичъ чувствовалъ близость замаскированной женщины. У бывшей его жещы такъ же шакли волосы, а были такъ же гибкіе, длинныя пальцы.

Онъ попросилъ:

— Снимите маску!

— Если вы будете настаивать, я выскочу изъ саней—и до свиданія!

Тогда онъ попробовалъ подойти иначе. Онъ пересталъ требовать, чтобы она открыла лицо, а обнялъ ее и началъ бурно цѣловать ея шею, подбородокъ, щеки и волосъ на затылкѣ, вдыхая родной ароматъ ея тѣла. Потомъ, приподнявъ кружево маски, прижался къ ея губамъ. Она не отвѣтила на его поцѣлуй. Губы ея были крѣпко сомкнуты, горячи и сухи.

Загадка мучила. Онъ задыхался и до-

ДЕНЬ «КРАСНОЙ ГВОЗДИКИ»
ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

По фотографіи для «Огонька».

Продажа съ торга бунета цвѣтовъ. За этотъ букетъ моряки выручили 132 руб. 50 коп.

Въ воскресенье, 14-го мая въ Петербургѣ состоялся сборъ «Революціонный Петербургъ — деревня», вся выручка котораго должна пойти на покупку книгъ и популярной литературы для деревни. Въ этомъ сборѣ принялъ участіе всѣ воинскіе части петербургскаго гарнизона. По улицамъ столицы раздавали разукрашенные «Красной Гвоздикой» грузовые и военные автомобили съ плакатами. Тутъ же солдаты и моряки съ аукциона продавали публичнѣ гвоздики, цвѣты и портреты нашихъ министровъ съ автографами. Въ нихъ мѣстачъ портреты А. Ф. Керенскаго доходили съ торга до 500—800 рублей. Прекрасная погода способствовала полному успѣху сбора.

Жань, голова его горѣла, а сердце билось съ переборами, но холодила пайва, и это обидное сходство.

— Скажите, по крайней мѣрѣ, ваше имя?! — умолялъ онъ.

По ея заколыхавшейся груди онъ понималъ, что она беззвучно смѣется.

— Чего вы хотите? Я не та! — Она задержала дыханіе и продолжала шопотомъ:

— Вы полагаете, что я—ваша... близкій вамъ человекъ? Развѣ она вамъ очень нужна, та, о которой вы думаете?

Николай Матвѣевичъ сжалъ ея руки съ такой силой, что она вскрикнула:

— Ай! Вы съ ума сошли!!

— Скажите, скажите! Кто вы?

— Я?! Вы вѣдь не мальчикъ и понимаете, какая женщина позволяетъ первому встрѣчному цѣловать себя!

— Но это сходство...

Она размѣялась ему въ лицо рѣзкимъ и злымъ смѣхомъ:

— Ахъ, сходство! Всѣ женщины похожи одна на другую, всѣ—какъ одна! Только имена и лица разные. Одну зовутъ Женей, другую—Соней.

И, продолжая смѣяться, обняла его за шею и поцѣловала въ губы.

IV.

Уже былъ четвертый часъ утра, когда Николай Матвѣевичъ привезъ женщину въ маскѣ къ себѣ въ гостиницу. Онъ помогъ ей снять бархатную юбку и шапочку. Маску она поспрешнему не снимала, а, подойдя къ зеркалу, поправила ее и сѣла на диванъ.

Онъ зажегъ все рожки электрической лампы, зорко осмотрѣлъ свою подругу и увидѣлъ прежній пустой и мертвый синій взглядъ.

И вдругъ эти безжизненные глаза заблестели отъ слезъ, и женщина, всхлипнувъ, упала лицомъ на диванъ.

Но прежде, чѣмъ Николай Матвѣевичъ подастъ ей стаканъ воды, она успокоилась и сѣла. И былъ уже мягокъ и полонъ теплоты ея взглядъ, ожили ея глаза, и это были глаза его жены.

Онъ сталъ на колѣни у ея ногъ и взялъ ея руку въ свою. Ея рука была холодна и дрожала.

— Женя, это—ты, я знаю! — сказалъ онъ. — Вернись ко мнѣ. Я живу одинъ, какъ пестъ въ своей дырѣ. Я старъ и скоро умру, и некому будетъ закрыть мнѣ глаза. Женя!..

Она слушала его потупленно и молча. Ему показалось, что у нея навернулись слезы на глазахъ. Онъ крѣпче сжалъ ея руки. Онъ потеплялъ и отвѣтилъ ему, но сейчасъ же мягко разжались и похолодѣли. Она шевельнула плечами и сказала надтреснутымъ голосомъ:

— Милый мой, меня зовутъ Эвелиной, и я ничѣмъ не могу помочь тебѣ!

И, спутавъ его рѣдкие сѣдующіе волосы, колко и зло размѣялась.

Ея смѣхъ отрезвилъ его. Онъ всталъ съ кофтинъ и, надорванный пережитымъ, тяжело сѣлъ на диванъ. Она, продолжая смѣяться, перебирала затасканныя имена, предлагая ему выбрать—какое лучше. Онъ молча слушалъ ея смѣхъ, въ которомъ сквозили надрывъ и слезы. Потомъ она притихла и, устала, прилегла на подушку дивана.

Николай Матвѣевичъ налилъ ей стаканъ вина. Она выпила жадными глотками и опять оживилась. Теперь она ласкала его, бурно и порывисто, разжигая и дразня его.

А когда онъ притронулся къ пуговицѣ ея кофточки, она вырвалась и убѣжала со смѣхомъ за ширмы, погасявъ по дорогѣ электричество.

Когда Николай Матвѣевичъ проснулся, то увидѣлъ, что занавѣска—палевая отъ радостнаго солнца, и что на полу прыгаютъ веселые золотые зайчики.

На полу, у кровати, валялась маска съ красной оберткой и забытая голубая подвязка. Женщины не было, и она казалась своимъ.

Онъ нашелъ на столѣ торопливо набросанную записку:

— Мое имя совсѣмъ не Эвелина. Зовутъ меня Евгения, и это...

Она не закончила записку. Здѣсь была клякса. Что-то кашнуло на бумагу, и чернила расплылись, а слова были сильно перечеркнуты. И только одно слово онъ разобралъ: «несчастна».

Въ тотъ же день Николай Матвѣевичъ убѣжалъ домой. Онъ былъ единственнымъ пассажиромъ въ купѣ.

Было пусто и холодно въ душѣ, и жаль было того, что случилось пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Николай Матвѣевичъ сразу въсьмъ гѣломъ почувствовалъ старость; не было нигдѣ больно, а была усталость и тянуло внизъ, къ землѣ.

Въ купѣ вошли два пассажира—одинъ въ охотничьей кожаной курткѣ и сапогахъ, другой—въ оттороченной барашкомъ бекетѣ.

За ними, твердо стуча когтями, вѣбжала мокрая собака, оставшая на полу, похожие на розетки слѣды лапъ.

Николай Матвѣевичъ былъ радъ, что теперь онъ не одинъ, и хотѣлось ему рассказать охотникамъ, что вотъ онъ влетѣ въ глушь умирать, и что ему тяжело. Но вмѣсто этого, онъ вдругъ разсердился и, приподнявшись на локтѣ, сказалъ:

— Съ собаками въ вагонѣ не полагается. Да-съ, господа!..

И, не слушая оправданій охотниковъ, тяжело повернулся на диванѣ спиной къ нимъ, закрылъ глаза и, странно хмыкнувъ, заплакалъ.

Як. Окуневъ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА М. М. КОВАЛЕВСКОМУ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

По фотографіи для «Огонька».

Рѣчь А. Ф. Кони на могилѣ.

14-го мая на кладбищѣ Александровско-Невской лавры открытъ и освященъ памятникъ на могилѣ М. М. Ковалевскаго. Памятникъ представляеть бюстъ М. М. Ковалевскаго изъ свѣтлой бронзы на высокомъ пьедесталѣ изъ дикой сѣрой гранитной скалы. Послѣ панихиды и освященія памятника въ присутствіи многочисленныхъ друзей, почитателей и учениковъ покойнаго великаго русскаго ученаго произнесенъ былъ рядъ рѣчей, въ которыхъ ораторы отмѣтили огромную роль М. М. Ковалевскаго въ наукѣ, общественной и политической жизни Россіи.

инем Ди-Шинна, прикажет из аптекарского магазина. Не прошло и недели, как Бетти стала его невестой, а старый Кавалли стал уходить из дому всякий раз, когда являлся Ди-Шинна. Случилось, что, спасаясь от жениха внучки, Кавалли прошел на задний двор и увидел там Исаака. Мальчуган был злым какой-то постройкой из карничей.

— Строишь дом? — спросил его старик.

— Нет, это крепость, — ответил Исаак. — Она защищает остров от пиратов.

Кавалли смотрел на игру мальчишки. Он чувствовал себя сейчас одиноким, а мальчуган был такой славный.

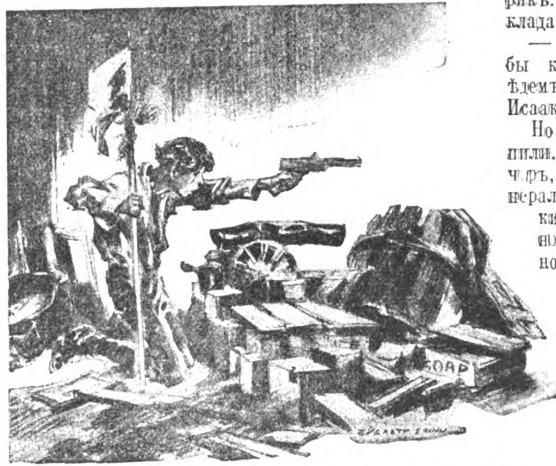
— Хотите поиграть со мной? — несмело спросил его Исаак. — Мы могли бы прогнать вместе человека с ширатов!..

— Миллион, — ответил Кавалли, снял пиджак и занялся постройкой крепости вместе с Исааком.

С этого дня началась дружба старика с ребенком. Много пиратов было пообещано ими, и когда Кавалли видел, что мальчишка утомлен слишком большим моционом, он ставил Исаака на наблюдательный пункт и расправлялся с врагами сам.

В разговор с родителями мальчишка Кавалли узнал о том, как слаб Исаак, и задумчиво покачал головой, а придя на задний двор, где играл ребенок, привел с собой господина, которого называл генералом.

— У тебя, верно, очень устают спина, когда ты строишь свои крепости? —

„...Целый день играли мальчишки на заднем дворе...“

спросил генерал. Исаак кивнул головой.

— Приходи как-нибудь ко мне в гости, — сказал генерал, — я покажу тебе интересную игру, и ты не будешь так уставать!

Несколько дней спустя Кавалли позвал Исаака пройтись. По дороге заехали в гости к генералу. В таких красивых комнатах мальчишка никогда еще не бывал, и генерал дал ему поиграть со смешной электрической машинкой.

Игра эта очень понравилась Исааку, и Кавалли стал возить его к генералу через день. Мальчишка стал лучше спать, окривел, и родители с удивлением замечали, что он здоровеет.

Во время одной из частых поездок к генералу Исаака с Кавалли застал сильный дождь, потому на небе появилась радуга. Исаак в восторге захопал в ладоши и рассказал старику о клад, который они обязательно найдут, если пойдут сейчас же туда, где радуга уходит в землю.

— Слушай, что мы сделаем, — очень серьезно заявил Кавалли: — я отвезу тебя домой, потому что сейчас очень сыро, а сам пойду за кладом. Ты, конечно, повторишь мне, что я раздлю с тобой пополам все, что найду!

На следующее утро Кавалли принес Исааку чугунный горшочек, наполненный полным золотых монет.

— Вот видите, я говорил вам, — говорил Исаак.

— Хочешь, я буду беречь все это у себя и вылавливать тебе столько, сколько ты попросишь? — сказал ста-

рик. — Ведь это — все твои деньги.

— Нет, лучше поберегите все это, чтобы купить ружье и саблю, когда мы пойдём к генералу, — серьезно заявил Исаак.

Но саблю и ружье так и не купили. Кавалли слег в тот же вечер, а все старания его друга, генерала не привели ни к чему. Понемногу клад, должно быть, оразился вредно на его здоровье, и скоро, и внезапно пришел конец. Перед смертью он оказал генералу со слабой улыбкой:

— Берегите крепость от пиратов!..

А несколько дней спустя, генерал пришел к родителям Исаака вместе с каким-то господином.

Поговорив с родителями, генерал сказал Исааку:

— Твой старый друг подарил тебе дом в деревне, где ты будешь жить и драться с пиратами, и просит тебя не думать больше о радугах, потому что он выкопал из земли все золото, и ты все равно ничего не найдешь, а только ищешь.

— И около моего дома будут деревья? — спросил, широко открыв рот, Исаак.

— Много деревьев, — ответил слегка хриплым голосом генерал, а Исаак, подаваясь какому-то новому чувству, поднялся на цыпочки и шофловал генерала в щеку.

То, что Кавалли оставил все свое состояние Исааку, сделав его опекуном Давида, мальчишка пока еще не говорил. Он бы все равно не понял этого...

„...Он расправлялся с врагами сам...“

„...Генерал дал ему поиграть со смешной машинкой...“

